

Стихи Полины Пороль – это и пронзительное в своём выражении взывание жизни, и тихий исповедальный разговор автора с самим собой, в котором есть сочувственный поиск гармонического равновесия для человека, Родины, и, не побоюсь этого слова, всего мироздания. Поэт остро оцущает и непостижимую тайну этой мирозданческой картины, и дарованную человеческой душе причастность этой тайне, выраженную через потрясающий образ странствующей тени.

О. Г.

* * *

Принеси мне из леса оливу,
Разожжём поутру наш камин,
Заворчит он тепло и сонливо,
Мы коланду споём перед ним:

«Рождество я пою всему дому,
Твёрдо камни его пусть стоят,
Пусть лампада горит пред иконой,
Пусть хозяин всегда будет рад...».

Молчаливою девой Эллада
Смотрит в небо проста и свята,
И с ночной Вифлеемской прохладой
Загорается тихо звезда.

ГРЕЧЕСКИЙ ГЕКЗАМЕТР

Ветер осенний качает вершины деревьев у дома.
Птицы кружатся как в детстве, пронзительный крик их страшнее.
Ласточкой белой лечу в твои тёплые страны, любимый,
Снова и снова зову тебя к ясному тихому солнцу.
Только услышишь ли крик мой, неведомый голос узнаешь?
Чтобы не ранить мне крылья, не биться об острые камни,
Те, что когда-то живыми сердцами людей назывались.
Я долечу и без чувств стану падать на землю чужую,
Ты удивись и примешь в ладони усталую птицу.
Вот мы теперь и увиделись, друг мой, и встретились даже.
Только скажи мне скорее: конец это или начало?

* * *

Над нашей Родиной кружатся птицы
В час сумерек прошедшего дождя.
И я смогу ещё раз возвратиться,
Ещё раз оглянуться уходя.

Закат расстелится, раскинется, растает.
Смешается с кружащейся листвою.
И каждый человек на миг узнает,
Что выше счастья на земле покой.

Не говори мне ничего. Кружатся птицы.
В вечернем небе тают облака.
Но я смогу ещё раз возвратиться
Домой. Через дожди, через века.

* * *

О Успении, о славе в литии
Я слова священные твои
От вечерни в предрассветный час
Затеплю камильницей сейчас.

И растает дымкою смолой:
«Боже, со святыми упокой».
Упокой Стефанов и Галин,
Евдокий, Софий и Ангелин,

Александру, Юлию, Петра,
Деда Ваню с нашего двора,
Пелагий... их было целых пять,
Сквозь столетья я гляжу опять.

И туманит дымкою смолой
Голос чей-то, голос неземной.
Словно тени, ждут своих черёд.
Кто же имена их назовёт?

Кто же назовёт те имена,
Что не сохранила старина,
Что исчезли с предрассветной мглой,
Словно этот голос неземной.

Только знаю, там, вдали небес
Расцветёт восьмиконечный крест.
И тогда они придут опять,
Чтобы имена свои сказать.

Будут лица их светлее дня,
Чище благодатного огня.
И узнаю я Стефанов и Галин,
Евдокий, Софий и Ангелин,

Александру, Юлию, Петра,
Деда Ваню с нашего двора...
И ещё других, чьи имена
Не хранила прежде старина.

* * *

Бабушка трепала по щеке:
«Внуча, жаворонки прилетели.
Просыпайся, стынет лёд в реке,
За ночь заморозились капли».

В жаркой кухне тихо и светло.
Дремлет кот, упрятав нос под лапу.
Вихрями в морозное стекло
Снег стучится колкий и мохнатый.

Ледяные звёзды высоко,
Звонница от инея искрится.
Колокол и гулко, и легко
Плачет снова в небе севастиийском.

МИШКА

Тебя назвали плюшевым медведем,
И подарили мне на Рождество.
Не знаю я, что думают соседи,
Быть может, детство вновь ко мне пришло.

Мохнатые, нахмуренные брови,
Внимательный и очень добрый взгляд,

Ты слушателем станешь поневоле,
И сказки о тебе заговорят.

И ничего, что сделан ты из плюша,
Не удивлюсь, заговоришь со мною вдруг.
Ты можешь понимать меня и слушать,
Ты стал дороже всех моих подруг.

Пусть сердце у тебя не человека,
Быть может, это к лучшему теперь.
Для нашего несказочного века
Нам сказка снова отворяет дверь.

* * *

Тихо дремлет золотом червонным
Древний, торжествующий алтарь.
Кротко смотрит на меня с иконы
Дивный архипастырь Николай.

Снегом заметённые ступени,
Чутко задрожат колокола,
И начнётся ангельское пенье,
Голосится звонами земля.

Высятся кресты над всей Вселенной,
Устремляясь ввысь, в ночную даль.
Вот он месяц тайны сокровенной
Тонколикий, царственный январь.

* * *

Стало тихо в городе осеннем,
Серебрится паутины нить.
Несколько часов до воскресенья,
Снова птицы начали кружить.

В детстве говорила я серьёзно:
«Как в калейдоскопе, мама, небо!»
Сколько лет, ликующих и слёзных...
Был ли тот октябрь или не был?

И однажды, глядя в небо синее,
Ты по-русски засмеёшься тоже:
«Стала и моей твоя Россия,
Посмотри: на что это похоже?».

* * *

Огнём неопалимой чаши Слова
В последнее мгновенье напои...
«Кто на земле не обретает крова,
Со мною ныне будете в раи».

И снова я иду к Тебе навстречу
С двенадцатиевангельской свечой,
Через века, туда, где время – Вечность,
Сквозь дождь и ветер, и палящий зной.

ЛЕГЕНДА КИТАЯ

Ради всего живого на Земле Хоу-и уничтожил 9 солнц...
Сказание о Чан Э, оказавшейся на Луне

Может быть, это только мой сон,
Или грёзы от яшмовой флейты.
Но со всех обступили сторон
Десять солнц, иссушившие ветры.

На земле не осталось воды,
И деревья поникли от жажды.
На песке оставляя следы,
Жизнь уходит, явившись однажды.

Погуби эти девять светил,
Мы не требуем большего света.
Я душистый осмáнтус растил,
Он погибнет без влаги и ветра.

Пожелтели страницы легенд,
Старый лаоши прячется где-то.
Древним Солнцем был мир наш согрет,
Память предков веками воспета.

* * *
*Посвящаю А.А. Маслоу, автору книги
«Китай: Колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала»*

Колокольца в пыли, одинокая флейта,
И дорога над пропастью с вихрем немым.
Моя тень там осталась и странствует где-то,
Превращаясь в сиянье и ветреный дым.

Старый город уснул, навсегда, без рассвета.
Старый город уснул, продолжая свой путь.
Только тихие, звонкие в сердце ответы,
И желание Солнце однажды вернуть.

Но не слышат высокие дикие скалы,
В их обителях свой бесконечный обряд.
Веселятся друзья в окнах чудной Коалы¹
И столов украшают пирующий ряд.

* * *

Там берег мой, там берег одинокий,
И ржание коней, и суховей,
И золото неубранных полей,
И близкое, что кажется далёким.

Стучат колёса отголоском прежним,
И сладко видеть узкое окно.
То самое, что в жаркий день затворено
Старинной ставней белоснежной.

В прозрачной сини разгорелся свет,
И полыхи листвы ясней и чаще.
Как будто только здесь ты настоящий,
И ничего на свете больше нет.

* * *

Я никогда так не ждала весны,
Как в тот февраль бессонный и безликий.

¹ Ко́ала – гостиница в центре Шанхая

По дому горько пахло базиликом,
Ночами снились мне чужие сны.

И с каждым днём всё уже и страшней
Пространство комнаты сжималось до предела.
Смерть на меня во все глаза глядела,
Но слишком неуютно было ей.

Лампады свет палил её дыханье,
И мамин голос не давал пройти.
Мной были поняты все жизни, все пути,
Всё на земле возможное страданье.

Все, кто искали, не нашли вины
В событиях, друзьях, знакомых датах.
Но время повернулось вспять... Когда-то
В морозных окнах я ждала весны.